

Левиафан
ТОМАС
ГОББС

РИПОД
КЛАССИК

УДК 821.131.1
ББК 84(4Вел)5-4
Г57

*Перевод с английского А. Гутермана
Вступительная статья А. Филиппова*

Гоббс, Томас

Г57 Левиафан / Т. Гоббс ; [пер. с англ. А. Гутермана ; вступ. ст. А. Филиппова]. — М. : РИПОЛ классик. — 608 с. — (Подарочная полка).

Читателей знаменитого трактата Томаса Гоббса «Левиафан» и по сей день завораживает созданный автором образ исполняющего «искусственного человека», могущественного государства-левиафана. Читателю предлагается оригинальная полная версия перевода А. Гутермана 1936 года, а также фрагмент издания 1868 года, в свое время конфискованного царской цензурой.

**УДК 821.131.1
ББК 84(4Вел)5-4**

© Филиппов А.Ф., вступительная статья, 2017

© Издание, оформление.

ISBN 978-5-519-63937-8

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

А. Ф. Филиппов
УСТРОЙСТВО ВЛАСТИ
В «ЛЕВИАФАНЕ» ТОМАСА ГОББСА

Эту книгу иногда называют величайшим политико-философским трактатом из всех, когда-либо написанных на английском языке. Возможно, так и есть. Преувеличения не меняют сути дела: значение Гоббса огромно, оно в буквальном смысле слова *не преходящее*, не уменьшающееся, а только увеличивающееся со временем, и в двадцать первом веке это более очевидно, чем в восемнадцатом или девятнадцатом. Гоббс прожил долгую жизнь и написал очень много; созданного им хватило на два многотомных собрания трудов, английских и латинских. Он был знаменит при жизни, широко признан, в том числе и за пределами Англии, и жестоко атакован, прежде всего, соотечественниками. Разные сочинения приносили ему успех и навлекали поношения, но ни одно не вызвало такой острой реакции, как «Левиафан». Ему же в первую очередь Гоббс обязан посмертной славой.

Философский труд живет веками не благодаря усилиям одних только узких специалистов, интерпретаторов и комментаторов. Великие философы говорят с нами прямо, без посредников. Чтобы узнать, о чем пишет Гоббс в «Левиафане», достаточно открыть книгу и начать ее читать, как это делали его современники и многие поколения читателей вслед за ними. «Левиафан» — яркая книга с хорошо продуманной композицией, с отточенными, выверенными формулировками. Гоббс обладал большим литературным даром и писал свой трактат не для университетских профессоров и не для ученых богословов, не на латыни, международном языке науки, а по-английски. Он хотел, чтобы книгу могли прочитать как можно больше сограждан, забывших кое-как выученные в школе древние языки и не применявших их в профессиональной деятельности. Они читали по-английски Священное Писание и печатную прессу, сочинения выдающихся литераторов

своего времени и политические памфлеты. «Левиафан» был прочитан сначала в контексте актуальных дискуссий, кое-что могло казаться странным и непривычным, но понятными были все основные аргументы автора. Между тогдашним пониманием Гоббса и сегодняшними его трактовками есть большая разница, и часто нам бывает трудно восстановить полемический смысл его утверждений и, так сказать, сверхзадачу длинного рассуждения. Но это — обычное дело с великими философскими трудами: они по-разному понимаются, в зависимости от эпохи, но все равно остаются *понятными*. Возможно, это связано с устойчивой внятностью центральных аргументов автора. В некотором роде эта книга, при всей демонстративной учености автора, *популярная*, хотя в ней исследуются тонкие и сложные вопросы. Такой она была, такой и осталась века спустя. Лишь некоторые дополнительные сведения и вводные пояснения могут оказаться все же не лишними для ориентации заинтересованного читателя.

1. Жизнь Томаса Гоббса

В Новое время ни один значительный философ не жил так долго и ни один не написал свой самый знаменитый труд в столь преклонном возрасте, как Гоббс. Это внешние и, быть может, не самые важные обстоятельства, но биография автора редко оставляет равнодушным читателя.

Гоббс родился 5 апреля 1588 г. В старости он гекзаметрами на латыни написал автобиографическое сочинение, и с его слов известно, что роды были преждевременными, потому что слухи о грозящем нападении на Англию огромного испанского флота, Великой Армады, встревожили его мать. Местечко Малмсбери, где он появился на свет, не так уж далеко от моря, и, случись что, война бы их не миновала. «Она родила близнецов, меня и страх, — писал Гоббс, — и с тех пор я люблю мир и ненавижу врагов родины». Крестил его отец, бедный священник англиканской церкви, отличавшийся неуживчивым нравом. Гоббс рано остался без отца. Однажды, после какой-то публичной ссоры с соседями, тот исчез, бросив жену с тремя детьми. Семью поддерживал его брат, он же оплатил школьное и университетское образование Гоббса, блестящие таланты которого стали заметны уже в юном возрасте. Степень бакалавра он получил после четырехлетнего обучения в Оксфорде, куда поступил в возрасте 14 лет, впрочем, в один из сравнительно менее престижных и дорогостоящих колледжей. После выпуска в тече-

ние двадцати, с небольшими перерывами, лет Гоббс служил в семье Кавендишей, графов Девонширских, домашним учителем и компаньоном подрастающих сыновей. Своих учеников Гоббс не только наставлял в том, что знал сам, прежде всего в языках и литературе, а еще он сопровождал их в поездках на континент, в Италию, Францию и германские земли. Всего он совершил три больших путешествия и многое увидел, усовершенствовался в языках, познакомился с выдающимися людьми своего времени, в том числе с Галилеем. В Англии он некоторое время был помощником Френсиса Бэкона, влиятельного вельможи и философа, которому Кавендиши, так сказать, одолжили на время свободного в те годы от дел учителя. В собрании работ Бэкона «Опыты или наставления нравственные и политические» несколько эссе переведены на латинский Гоббсом. Первая публикация под собственным именем — тоже перевод: в 1629 г. Гоббс выпустил «Историю» Фукидида. Он передал ее на английском столь доброкачественно, что пользоваться его переводом можно и по сей день. Ему было тогда уже за сорок, но прошло еще несколько лет, прежде чем Гоббс занялся собственной философией. К этому времени он пережил, если можно так выразиться, обращение в математика. Случайно прочитав в раскрытой на столе книге одну из теорем Евклида, он заинтересовался тем, как получаются геометрические доказательства, и решительно взялся за развитие полюбившейся ему науки. Чуда не случилось, математика из него не вышло, но репутация математика долго сохранялась у Гоббса, пока он не ввязался, уже в конце жизни, в математические споры, оказавшиеся для него роковыми. А пока что от математики он перешел к физике и задумал уже целую систему философии, которая начала вырисовываться по мере появления его книг. Главные труды Гоббса выходили в свет не в логической последовательности, его система строилась не с основания, а по мере созревания его взглядов. Сначала (в 1642 г.) вышел в свет трактат «О гражданине», третья и последняя часть «Начал философии». Он имел большой успех и в Англии, и во Франции, где его тут же вознамерились перевести с латинского на французский. Политическая философия появилась, таким образом, раньше всего. Автор же принялся за следующий труд, «О теле», который должен был стать первым в ряду «Начал философии». Его занятия были прерваны сначала тяжелой болезнью, от которой Гоббс едва не умер, а потом — приглашением преподавать математику наследнику английского престола, будущему королю Карлу II. Гоббс, спасаясь от перипетий гражданской войны, в это время уже много лет (с 1640 г.) жил во Франции, куда в 1648 г. переместился и английский двор

с наследником. В 1649 г. король Карл I был казнен, форма правления в Англии изменилась, и это произвело огромное впечатление на современников. Вскоре Гоббс принялся за «Левифана». Он писал книгу целый год, и в ней он высказывается по важнейшим вопросам, которые обсуждались в интеллектуальной среде, то есть прежде всего по вопросам научного познания, основанного на опыте и рациональном рассуждении. Философы Нового времени стремились рассуждать без оглядки на богословие, без учета традиций школьной философии, без попыток совместить науку с изощренным логическим аппаратом схоластики, отнюдь не готовой сдавать свои позиции. Но дело состояло отнюдь не в том, чтобы просто игнорировать или высмеивать теологию. Правильное познание, считал Гоббс, позволяет исследовать человеческое поведение и установить, как возможно основать прочное политическое устройство для мирной счастливой жизни. Главная угроза такой жизни — война, а среди главных источников войны — религиозные распри. Религиозный энтузиазм, как и претензии религии на то, чтобы оставаться универсальной картиной мира, представляет опасность. Поэтому богословская составляющая книги так важна и так велика: Гоббс предлагает собственную интерпретацию Священного Писания и многих догматов христианской веры, чтобы избежать «царства тьмы» и вывести людей к правильной христианской вере, которая не может ни помешать науке, ни стать источником кровавых распри и бунтов, подрывающих государство. Книга вышла в свет в Англии в 1651 г. На родине философа ее встретили в основном хорошо, в особенности сторонники О. Кромвеля посчитали, что Гоббс выстроил аргументы в пользу *новой* власти. Правда, сам Гоббс был уверен, что не высказывается против короля. Свой труд он надумал вручить недавнему воспитаннику, принцу и велел изготовить для этого особый рукописный экземпляр, каллиграфически выполненный и в дорогом переплете. Его дар был отвергнут, при дворе его книгу приняли плохо, Гоббс потерял расположение влиятельных друзей и уже никогда не смог вернуть себе высокое положение. Сторонники короля упрекали его в том, что он оправдывает его убийц, богословы были возмущены интерпретацией христианского вероучения и роли церкви и обвиняли Гоббса в атеизме. Католическая церковь во Франции также не могла простить ему атаки на католицизм в «Левифане». При таких обстоятельствах он вернулся в Англию, где в 1655 г. выпустил трактат «О теле» и в 1658 г. — трактат «О человеке», завершив, таким образом, трилогию «Начала философии». В 1660 г. произошла реставрация королевской власти, в Англии усилилась роль его ненавистников. Гоббс мно-

го полемизировал с юристами и богословами, и временами их обвинения против него были столь опасны, что могли стоить ему жизни. Возможно, чтобы защититься и вновь прояснить свою позицию, он в 1667 г. выпустил новое издание «Левиафана», в Голландии, на этот раз на латинском языке, расширенное и несколько измененное. Но те положения, которые вызывали наибольшую критику, Гоббс из латинского «Левиафана» не убрал, да это и не было возможным, иначе пришлось бы отказаться от всей книги. Смягченный текст «Левиафана» продолжал быть опасным для автора. От преследований (в парламенте его обвинили в атеизме) его спасло, в конце концов, только заступничество самого короля, но опасные богословские дискуссии и политическую полемику ему пришлось прекратить навсегда. Человек он был упрямый, иногда грубый, с огромным самомнением. Это приносило ему много неприятностей. Гоббс, поссорившись со знаменитым математиком Уоллисом, так и не стал членом знаменитого Королевского общества, в конце жизни его уже не считали большим ученым. Располагая достаточным доходом (небольшую часть которого составляла пожалованная королем пенсия), он в старости вновь обратился к переводам и переложил с греческого на английский «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. За несколько лет до смерти Гоббс поселился в одном из имений дорогого ему семейства Кавендишей в Дербишире. Он умер 4 декабря 1679 г.

2. Власть и слава в мире вещей

Если бы Гоббс хотел написать еще один политический трактат, он бы, возможно, лишь усовершенствовал свой труд «О гражданине», принесший ему большую известность и много хвалебных отзывов. Однако написал он совершенно другую книгу, не похожую не только на его более раннее сочинение, но и вообще ни на один из когда-либо прежде выходивших трудов о государстве и праве. Композиция «Левиафана» носит оригинальный характер, и хотя его политико-философская составляющая вполне согласуется с основными идеями трактата «О гражданине», но здесь они обострены и поставлены в иной контекст.

Посмотрим на состав «Левиафана». Всего в книге, не считая Посвящения, Введения и Заключения, сорок семь глав, распределенных между четырьмя частями. В первых двух находятся две трети общего объема, если считать по количеству глав, и лишь чуть больше половины по количеству страниц. В первой и второй частях речь идет об устройстве человеческих ощущений

и речи, о познании и правильном, позволяющем людям жить в мире между собой поведении. Здесь же содержится учение о естественном праве, суверенитете и общественном договоре. В третьей и четвертой частях Гоббс рассматривает богословские вопросы, исследует тексты Священного Писания, также рассуждает о соотношении церковной и светской властей. Всему этому он уделяет, таким образом, почти столько же внимания, сколько проблематике познания, психологии, вопросам морали и политической философии. Это обстоятельство надо иметь в виду, особенно при чтении данного издания, в котором некоторые главы частей 3–4-й опущены¹. Конечно, в наши дни аргументы частей 1–2-й представляют куда больший интерес. Полемический аспект богословских рассуждений понятен сейчас лишь специалистам. Но для современников Гоббса все, что Гоббс говорил о религии и вере, о «царстве тьмы», «христианском государстве» и «христианской политике», имело первостепенное значение.

Противники Гоббса неслучайно упрекали его в атеизме. Хотя у него немало рассуждений о том, что именно Бог устроил этот мир и его законы, Гоббс не признает постоянного вмешательства Бога в земные дела и предпринимает немалые усилия, чтобы дискредитировать свидетельства о чудесах и притязания на божественное вдохновение.

Мир, о котором пишет Гоббс, работает сам по себе, без Бога. Это типичная доктрина деизма, и Гоббс здесь мало чем отличается от многих своих современников. Он описывает мир вещей, которые движутся и сталкиваются, причем из малых вещей образуются бóльшие, в том числе тела живых существ, человека и государства. Впрочем, никакой физики в «Левиафане» нет, она здесь не нужна, как нет и никаких рассуждений о специфике живого. В эту эпоху организмы понимаются как особого рода механизмы, устройство которых подобно сложному автомату, приводимому в действие пружиной, о чем Гоббс сразу же говорит во Введении. О телах он пишет сжато, только чтобы установить *источник ощущения*, с исследования которого и начинается рассуждения. Антропология, как сказали бы мы сейчас, теория познания и речи — вот что образует первый блок аргументов в «Левиафане». Ощущения, представления, знаки, служащие удержанию в памяти представлений и их последовательности, внутрен-

¹ Впрочем, и в более полных русских изданиях обширные цитаты из Библии заменялись отсылками к соответствующим местам книг Ветхого и Нового Заветов. В советское время это означало практически полную недоступность текста для большинства читателей.